

М. П. АЛЕКСЕЕВ

Вальтер Скотт и «Слово о полку Игореве»

В «Предисловии» к своей известной монографии «„Слово о полку Игореве“ как художественный памятник Киевской дружинной Руси» (т. I, М., 1887) Е. В. Барсов, напоминая о судьбе первого издания этого произведения и ранних работах по его истолкованию, сделал между прочим следующее указание: «Вальтер Скотт, прочитав этот памятник, в одном из писем к графу Орлову выражал удивление, что русские так мало умеют понимать и ценить свои лучшие произведения» (стр. VII—VIII).

Приводя этот отзыв знаменитого шотландского романиста, Е. В. Барсов не сопроводил его никакими пояснениями. Действительно ли «Слово о полку Игореве» было известно В. Скотту? В каком издании и переводе познакомился он с его текстом? По какому поводу высказался он о его литературных достоинствах? Ни на один из этих вопросов еще не было дано ответа, несмотря на то что со времени выхода в свет монографии Е. В. Барсова прошло уже более семидесяти лет, а литература о «Слове», в частности о тех оценках, которые даны были ему выдающимися писателями разных стран, выросла необычайно. Очевидно, что либо свидетельство это забылось вовсе, либо ответить на все указанные недоуменные вопросы представлялось затруднительным. Вернее всего и то и другое одновременно: Отзыв В. Скотта, сообщенный Е. В. Барсовым, никогда более не упоминался в литературе о «Слове», так как он не был подтвержден какими-либо документальными данными; в конце концов, он перестал обращать на себя внимание, затерявшись на вступительных страницах к некогда широко известному, но затем отодвинутому в прошлое исследовательскому труду. Между тем у Е. В. Барсова были действительные основания утверждать, что В. Скотту было известно «Слово» и что он несомненно читал «Слово», притом в английском рукописном переводе.

«Граф Орлов», на которого ссылается Е. В. Барсов, — это граф Владимир Петрович Орлов-Давыдов (1809—1882), сын Петра Львовича Давыдова и дочери вельможи екатерининских времен и директора Петербургской Академии наук графа В. Г. Орлова, Наталии Владимировны; принять фамильное имя, графский титул деда и «потомственно именоваться графом Орловым-Давыдовым» Владимиру Петровичу разрешено было Государственным Советом лишь в 1856 г.,¹ до тех же пор он именовался просто Давыдовым и под этим именем известен несколько из биографии В. Скотта.

Детство В. П. Давыдова прошло в Италии, а юность — в Шотландии, куда он отправлен был в шестнадцатилетнем возрасте в сопровождении гувернера-шотландца для поступления в Эдинбургский университет.

¹ Кн. П. Долгоруков. Российская родословная книга, IV. СПб., 1857, стр. 428, 435; Старина и новизна, кн. 2. СПб., 1898, стр. 262—263.

В Эдинбурге В. П. Давыдов учился с 1825 по 1828 г. Здесь он представлен был В. Скотту, посещал его в его прославленном поместье — Абботсфорде, состоял с ним в переписке и несколько раз в весьма сочувственных тонах упоминается в дневнике В. Скотта за эти годы.² В. П. Давыдов окончил курс в Эдинбургском университете в 1828 г., а его последнее, прощальное свидание с В. Скоттом состоялось 25 марта этого года.

Знакомство и дружба со знаменитым писателем всегда были предметом особой гордости В. П. Давыдова, и он любил вспоминать об этом по различным поводам. Довольно подробный рассказ о встречах и беседах своих с В. Скоттом он включил, например, в составленную и изданную им в конце жизни биографию своего деда.³ Впоследствии стали известны и другие подробности о посещениях им Абботсфорда, о той роли, какую сыграл он в обмене письмами его родного дяди, поэта Дениса Давыдова, и некоторых других русских писателей 20-х годов с В. Скоттом. Недавно опубликовано было, наконец, и несколько писем В. П. Давыдова к В. Скотту (1826—1828 гг.), подлинники которых хранятся в настоящее время в Национальной библиотеке Шотландии в Эдинбурге.⁴

Интерес В. Скотта к этому юному «москвиту», или «молодому графу», как он иногда называл Давыдова в своих дневниковых записях, отзываясь о нем, впрочем, как о юноше смышленном, способном, подающем надежды (и, кстати сказать, владевшим английским языком как своим родным), был, однако, не вполне бескорыстным. В. Скотт усиленно работал тогда над тем томом своей «Истории Наполеона», в котором речь шла о русском походе французской армии и о войне 1812 г. Поэтому знакомство с молодым русским аристократом пришлось В. Скотту весьма кстати; он очень нуждался в пополнении своего труда русскими историческими материалами. В. П. Давыдов сам рассказал в биографии своего деда, что по просьбе В. Скотта он выписал тогда из России в Эдинбург различные исторические источники и документальные данные, например об истинных виновниках сожжения Москвы в 1812 г., чем особенно интересовался В. Скотт, и что некоторые из этих материалов (в переводе В. П. Давыдова) были в значительной своей части включены затем в текст «Истории Наполеона». Дневники В. Скотта свидетельствуют о том, что его встречи с В. П. Давыдовым были особенно частыми в 1826—1827 гг. В это время Давыдов в особенности старался быть полезным писателю, перед которым благоговел; он наводил для него различные исторические справки, разрешал недоумения относительно произношения и транскрипции русских слов, имен и фамилий, всячески занимал его своими рассказами о России, одаривал сувенирами, вроде, например, стальной табакерки тульской работы, с искусно изображенными на ней видами Петербурга и его окрестностей. Но В. Скотт все же, по-видимому, чаще всего возвращался тогда к особенно занимавшей его теме — к пожару Москвы и событиям 1812 г., о чем юноша Давыдов, к сожалению, мог рассказать только с чужих слов. Тогда-то, очевидно, и возникла в их беседах особая тема — о «Слове о полку Игореве», о национальной героической эпопее, единственная рукопись которой погибла в московском пожаре в 1812 г.

² The Journal of Sir Walter Scott from the Original Manuscript at Abbotsford. Edinburgh, 1890, vol. I, стр. 15, 63, 220—221; vol. II, стр. 23, 29, 68, 76, 85, 298.

³ Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова, 2 тома. Составлен внуком его гр. Орловым-Давыдовым, СПб., 1878; переиздан: Русский архив, 1908, в. 7—12. (Давыдов рассказывает о себе в третьем лице).

⁴ G. Struve. Russian Friends and Correspondents of Sir Walter Scott. — Comparative Literature, II, 1950, стр. 307—326. Последнее из сохранившихся среди бумаг В. Скотта писем к нему В. П. Давыдова написано из Лондона и датировано 20 мая 1828 г.

Мы догадываемся об этом, листая письма В. П. Давыдова к отцу, писанные из Эдинбурга в эти годы. После 1917 г. эти письма хранились некоторое время в архиве Серпуховского краевого музея; отсюда они поступили в Государственный литературный музей в Москве (ныне Центральный государственный архив литературы и искусства). Все они до сих пор не изданы. В одном из этих писем, относящемся к 1827 г. (точная дата, к сожалению, отсутствует), В. П. Давыдов сообщал отцу: «Я только что окончил перевод на английский язык „Слова о полку Игорева“, которое сир Вальтер Скотт выразил желание видеть».⁵ К сожалению, письмо это не сообщает более никаких подробностей об этом выполненном и несомненно переданном В. Скотту переводе, однако свидетельство это все же представляет безусловный интерес. Трудно сказать, насколько удачно могла быть выполнена Давыдовым эта нелегкая работа: она требовала не только переводческого опыта, но и филологической сноровки и специальных исторических знаний, какими он, естественно, не мог обладать, особенно в молодые годы. К тому же в 20-е годы на Западе «Слова» не было еще достаточно известно; английского перевода «Слова» не существовало, как, впрочем, и каких-либо упоминаний о нем в английской печати; переводы немецкие и французские были малочисленны, крайне неудовлетворительны и трудно находимы. Пользоваться какими-либо иноязычными переводами «Слова» для воспроизведения его текста на английском языке В. П. Давыдов, вероятно, не мог. Не только В. Скотт, по-видимому, впервые услышавший о «Слове» от своего юного собеседника,⁶ но и сам Давыдов едва ли могли знать, что к этому времени существовало уже несколько немецких переводов «Слова» (Рихтера, 1803, Мюллера, 1811, В. Ганки, 1821, Зедерхольма, 1825), а также французских, впрочем еще более низких по своему качеству (вольный перевод Бланшара, сделанный с русского стихотворного пересказа Левитского; анонимный прозаический перевод, включенный в статью «О древней русской национальной поэзии» в журнале бар. д'Экштейна «Le Catholique» 1827 г.) и т. д. Следует также помнить, что В. П. Давыдов жил в это время и трудился над своим переводом за границей и едва ли поэтому мог пользоваться изысканиями первых русских комментаторов «Слова», накопившимися в литературе к концу 20-х годов (К. Ф. Калайдовича, Пожарского, А. С. Шишкова, Цертелева, Н. Ф. Грамматина и др.). Таким образом, английский перевод «Слова», сделанный В. П. Давыдовым в 1827 г., был, вероятно, достаточно вольным переложением подлинника, несовершенной, дилетантской, хотя и неприятельской попыткой, имевшей, однако, вполне конкретную цель — заинтересовать этим памятником любимого им шотландского писателя. Эта цель несомненно была достигнута. Даже в такой приблизительной и ослабленной передаче «Слова» не могло не увлечь В. Скотта, питавшего, как известно, особое пристрастие не только к родной шотландской старине, но и к древним памятникам словесности других народов. Превосходный знаток шотландских и английских баллад, В. Скотт всегда интересовался также старофранцузскими *chansons de geste* и романсами старой Испании; в древних эпических песнях Западной Европы он любил следить за разверты-

⁵ ЦГАЛИ, 9758/5024-36.

⁶ Не исключена, впрочем, возможность, что В. Скотт мог узнать о «Слове» и из сочинений Н. М. Карамзина, которыми он интересовался. Как известно, Н. М. Карамзин не только первым сообщил Западной Европе о «Слове» еще до его издания, но впоследствии уделил ему внимание и в «Истории государства Российского» (т. I, 1816, гл. 7), вскоре вышедшей в просмотренном самим автором французском переводе (Thomas et Jauffret, 1819). Н. М. Карамзин называет здесь «Слова» «особенно древней повестью, украшенной цветами воображения и языком стихотворства».

вавшейся здесь героикой национальной борьбы и умел угадывать подлинно человеческие черты в застывших словесных формулах песенного предания. В более молодые годы В. Скотт увлечен был также и югославянской поэзией, раскрывшейся ему в немецкой романтической передаче; он и сам, как известно, сделал стихотворный перевод знаменитой сербской эпической песни о жене Асан-Аги, следуя, по всей вероятности, немецкому переводу В. Гете.⁷ Поэтому В. Скотт лучше многих других современных ему западных писателей мог оценить по достоинству поэтические красоты и действительное историческое значение «Слова о полку Игореве».

К сожалению, в бумагах, оставшихся после смерти В. Скотта (1832 г.), рукопись перевода «Слова», присланная ему В. П. Давыдовым, не была обнаружена; не отыскалось пока и следов работы над этим переводом в доступных нам бумагах В. П. Давыдова. Не найдено было также каких-либо отзвуков внимания и любопытства к «Слову» в писаниях В. Скотта последних лет его жизни; впрочем, после 1827 г. он писал мало, а предсмертные годы жил большей частью за границей, во Франции и Италии.

Нас может более удивить то обстоятельство, что В. П. Давыдов, рассказывая о своем знакомстве с В. Скоттом в 1878 г. в биографии своего деда, ни словом не упомянул об этом переводе, хотя и уделил достаточное внимание второстепенным подробностям и малозначительным анекдотам из трехлетней истории их личных сношений и переписки. В состоянии ли был сам Давыдов оценить значение этого маленького, но, с нашей точки зрения, весьма примечательного эпизода в истории его дружбы с «шотландским чародеем», или отсутствие упоминания «Слова» в его рассказах объясняется простой забывчивостью? Частичный ответ на этот вопрос дает, как нам кажется, приведенное выше свидетельство Е. В. Барсова: он несомненно писал со слов Давыдова, в то время уже графа Орлова-Давыдова.

Свидетельство Е. В. Барсова существенно потому, что оно дает недостающее звено к той цепи, началом которой служит признание самого В. П. Давыдова в его письме к отцу 1827 г.; узнав о том, что английский перевод «Слова» был выполнен и вручен В. Скотту, мы узнаем также, что он сказал по этому поводу. Но, по свидетельству Е. В. Барсова, приведенное им суждение В. Скотта высказано было в письме его к В. П. Давыдову; следовательно, либо это письмо не дошло до нас (хотя другие письма к нему В. Скотта сохранились), либо то, что Е. В. Барсов узнал непосредственно от корреспондента В. Скотта, было воспроизведено им не точно, в свободной передаче.

Для того чтобы устранить все эти затруднения, нам необходимо представить себе в общих чертах, когда и при каких обстоятельствах Е. В. Барсов мог узнать мнение В. Скотта о «Слове» и почему В. П. Орлов-Давыдов пожелал сообщить ему об этом. Думается, что мы в состоянии ответить на это со значительной степенью вероятности.

В. П. Давыдов еще до приобретения им графского титула получил в наследство родовое дедовское поместье, неподалеку от Москвы, с его известными драгоценными архивами, собранием древностей и замечательной библиотекой. Здесь, в Отраде, хранились, в частности, и все реликвии, связанные со знакомством В. П. Давыдова с В. Скоттом, рукописи, письма, альбомы; в Отраде в 70-е годы подолгу жил и сам хозяин, занятый разборкой архива и составлением большой двухтомной биографии своего деда.

⁷ Подробнее об этом см. в моей статье «Байрон и фольклор» (Советский фольклор, 1941, № 7, стр. 193).

Уже эта работа заставила его обращаться неоднократно к помощи ученых-историков Москвы. Будучи и сам большим любителем старины, В. П. Орлов-Давыдов делал крупные пожертвования разным библиотекам и музеям и между прочим обогатил отрадинскую библиотеку известным собранием старопечатных книг, приобретенных им у наследников И. Н. Царского. Эта покупка вовлекла его в еще более частые сношения и переписку с московскими учеными и исследователями старой русской культуры.⁸ В это самое время Елпидифор Васильевич Барсов (1836—1917) развернул в Москве широкую литературную и научно-организационную деятельность. С 1870 г. Е. В. Барсов состоял на службе в Московском Румянцевском музее (в Отделении древних рукописей и старопечатных книг) и сделался ревностным деятелем ученых обществ;⁹ всего теснее он связан был с Обществом истории и древностей российских, которое в 1881 г. избрало его своим секретарем и редактором издававшихся от имени Общества «Чтений».¹⁰ Очень вероятно, что в конце 70-х годов по делам этого Общества или по другим поводам Е. В. Барсов встречался с В. П. Орловым-Давыдовым или находился с ним в переписке.

В это же время начались и усиленные работы Е. В. Барсова над «Словом о полку Игореве». В 1876 г. он напечатал «Критический очерк литературы о „Слове о полку Игореве“» (ЖМНП, №№ 9 и 10), а через два года и другую статью — «Критические заметки об историческом и художественном значении „Слова о полку Игореве“» («Вестник Европы», 1878, №№ 9 и 10), которая, как писал впоследствии И. Анненский, была «по достоинству оценена, как плод тщательного и любовного изучения предмета». Эти работы Е. В. Барсова, по словам того же И. Анненского, обратили на себя внимание читателей: «оригинальные приемы исследования, большой подбор новых данных, ясность основного положения, — все приятно выделяло их из массы работ о „Слове“».¹¹ Отметим, что имя В. Скотта в этих статьях еще не упоминается; однако в первой из них, исчисляя «те иностранные издания и переводы, при посредстве которых этот памятник имеет за собою европейскую известность», Е. В. Барсов, между прочим, указал: «Из великих европейских держав одна Англия не имеет его в переводе на родном языке».¹² Нам представляется, что именно эти слова обратили на себя внимание В. П. Орлова-Давыдова и оказались поводом для устного или письменного сообщения Е. В. Барсову, что такой именно перевод сделан был уже пятьдесят лет тому назад и что рукопись его направлена была В. Скотту. Чтение статьи Е. В. Барсова напомнило переводчику этот забытый им эпизод его юности, забытый, может быть, потому, что письма В. Скотта с отзывом о «Слове» в отрадинском архиве уже не было. Не исключена, впрочем, возможность, что оно и вовсе не существовало и что мнение о замечательном памятнике русской старины было высказано В. Скоттом его первому английскому переводчику устно: ведь встречи их именно в 1827 г. были довольно частыми.

⁸ Характеристику этой библиотеки см. в кн.: В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. I, кн. 2. Киев, 1892, стр. 1099—1100.

⁹ Имп. Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864—1914), т. II. М., 1915, стр. 27.

¹⁰ Дм. Цветаев. Записка об ученых трудах Е. В. Барсова. М., 1887; С. А. Венгерова. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. II. СПб., 1891, стр. 163—174; из записной книжки А. П. Бахрушина. Прим. М. Цявловского, изд. Э. А. Бухгейма. М., 1916, стр. 20, 103—104; Исторический вестник, 1917, июль—август, стр. 287—288 (некролог); ср.: Московские ведомости, 1917, № 91.

¹¹ ЖМНП, 1888, № 4, стр. 501.

¹² ЖМНП, 1876, № 10, стр. 128.

В. П. Орлов-Давыдов умер 24 апреля 1882 г. в Петербурге,¹³ а в первой книге «Чтений Общества истории и древностей российских» за следующий, 1883 г., Е. В. Барсов начал печатать свою монографию о «Слове»,¹⁴ в начальные части которой вошли в переработанном виде указанные выше его обзорные статьи. В первой книге «Чтений» за 1883 г. свидетельство о В. Скотте приведено на стр. VII—VIII «Предисловия», вся же рукопись монографии была сдана в печать уже в конце 1882 г., как это явствует из «Посвящения» книги, датированного 2 ноября этого года. Следовательно, Е. В. Барсов вписал это свидетельство в свой труд уже после смерти В. П. Орлова-Давыдова, получил же от него это сообщение, по-видимому, не ранее 1878 г. Отсюда становится понятным, почему это сообщение осталось в тексте труда Е. В. Барсова лишенным подробностей, пояснений и более точных данных, чем оно заслуживало: к началу печатания своей монографии Е. В. Барсов ими не располагал, и ему уже не от кого было их получить.

Таким образом, хотя свидетельство Е. В. Барсова не подтверждено пока каким-либо документом и может еще вызвать сомнение в полной текстуальной точности воспроизведенных здесь слов В. Скотта, но они представляются правдоподобными по существу и едва ли могли быть искажены даже при двойной их передаче. В. Скотт отнес «Слово» к «лучшим произведениям» национальной русской литературы и выразил лишь удивление по поводу того, что оно так мало изучается и ценится читателями. Для конца 20-х годов такое суждение, к тому же подсказанное В. Скотту его русским собеседником, было и вполне естественным, и достаточно справедливым. Важнее то, что угадывается за этой нехитрой словесной формулой: виднейший шотландский писатель не только первым на своей родине прочел «Слово о полку Игореве», но и ранее многих других в состоянии был оценить художественную силу одного из драгоценнейших памятников древнерусской эстетической культуры.

¹³ Русский биографический словарь, том «Обезьянинов»—«Очкин». СПб., 1905, стр. 366; Д. Языков. Русские писатели и писательницы, умершие в 1882 году.—Русский архив, 1915, № 5, стр. 62.

¹⁴ ЧОИДР, 1883, кн. 1 (январь—март), отд. IV, стр. 1—212. По непонятным для нас причинам эта публикация систематически выпадала из библиографий «Слова о полку Игореве».